

РАЗДЕЛ III

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Part III. STUDIES OF THE EDUCATION SYSTEMS OF THE EAST AND WEST

Философия образования. 2024. Т. 24, № 3
Philosophy of Education, 2024, vol. 24, no. 3

Научная статья

УДК 1:316+37.0(517.3)

DOI: 10.15372/PHE20240304

EDN: KSZXJD

Образовательная политика в современной Монголии: ключевые этапы и тенденции

**Хишигдулам Нанжидмаа¹, Ичинхорлоо Шагжжав², Изгарская Анна
Анатольевна³**

^{1,2}Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия

³Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

¹khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>

²ichinkhorloo.sh@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0008-8807-8406>

³aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена основным тенденциям развития образовательной политики Монголии в постсоветский период. На основе сравнения трех документов, а именно: «Концепции развития образования в Монгольской народной республике (1991)», «Приложения к Постановлению Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г.», «Постановления Национального собрания 2015 г. № 12 “Государственная политика в области образования” (2014–2024 гг.)», описаны причины изменения тенденций в образовательной политике Монголии, представлены критические оценки результатов реализации ее программ. *Методология.* В качестве методологического основания использован миросистемный подход (И. Валлерстайн). В миросистемной парадигме проблемы образования, включая процесс распространения образовательных образцов, исследуются, начиная с 1980-х гг. На сегодняшний день эта парадигма широко представлена в области сравнительного образования, критической педагогики, исследований академического и образовательного неравенства. *Обсуждение.* После распада советского блока Монголия активно встраивается в мировую систему разделения труда и формирует систему образования в соответствии с международными стандартами, что порождает сложные противоречия между внедряемыми новациями и стремлением вернуть традиционную монгольскую культуру как основание национальной

идентичности. Анализ документа 1991 г. показал, что первоначально национальное строительство планировалось в русле неотрадиционализма. Однако тяжелые экономические условия и существование опасности китайской интеграции Монголии на уровне внешней периферии не позволили этим политическим идеям реализоваться. В документе 1995 г. возобладала тенденция, ориентирующая монгольское образование на международные стандарты. В результате реформа монгольского образования в следующее десятилетие шла по образцу стран с высоким уровнем доходов и оседлым населением, что не соответствовало реалиям Монголии и вызывало множество проблем и противоречий. В основе документа 2015 г. содержится попытка правительства опереться на инициативу «снизу», поэтому постановление в большей мере ориентировано на интересы местного населения, включая образовательные потребности детей из семей скотоводов. Однако в целом документ имеет ярко выраженный декларативный характер. *Заключение.* Тенденция заимствования образовательных образцов для развития человеческого капитала, наблюдаемая в образовательной политике Монголии, является вынужденным компромиссом со странами ядра миросистемы. Перекос в сторону международных образцов в области образовательной политики осознается монгольским научным и педагогическим сообществом, ставится вопрос о воспитании человека, имеющего монгольскую идентичность.

Ключевые слова: образовательная политика, образование в Монголии, цели и содержание образования, заимствование образовательных образцов, монгольская письменность

Для цитирования: Хишигдулам Н., Ичинхорлоо Ш., Изгарская А. А. Образовательная политика в современной Монголии: ключевые этапы и тенденции // Философия образования. 2024. Т. 24, № 3. С. 52–71. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20240304>

Scientific article

Educational policy in modern Mongolia: key stages and trends

Namjidmaa Khishigdulam¹, Shagjav Ichinkhorloo², Anna A. Izgarskaya³

^{1,2}Mongolian State University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia

³Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

¹khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>

²ichinkhorloo.sh@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0008-8807-8406>

³aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the main trends in the development of educational policy in Mongolia in the post-Soviet period. Based on a comparison of three documents, namely the «Concepts of Educational Development in the Mongolian People's Republic (1991)», «Appendices to the Resolution of the Great Khural of Mongolia №. 36 of 1995», «Resolution № 12 of the State Great Khural of Mongolia in 2015, “State Policy in the Field of Education” (2014–2024) », the reasons for changing trends in the educational policy of Mongolia are described. Critical assessments of the results of the implementation of its programs are presented. *Methodology.* The world-system approach (I. Wallerstein) is used as a meth-

odological basis. Problems of education and the process of dissemination of educational patterns have been studied in the world-system paradigm since the 1980s. *Discussion.* Mongolia is actively integrating into the global system of division of labor and forming an education system in accordance with international standards after the collapse of the Soviet bloc. This gives rise to complex contradictions between the innovations being introduced and the desire to return traditional Mongolian culture as the basis of national identity. An analysis of the 1991 document showed that initially nation-building was planned in line with neo-traditionalism. However, difficult economic conditions and the existence of the danger of Chinese integration of Mongolia at the level of the external periphery did not allow these political ideas to be realized. In the 1995 document, the prevailing trend was orienting Mongolian education to international standards. As a result, the reform of Mongolian education in the next decade followed the model of countries with high incomes and sedentary populations, this did not correspond to the realities of Mongolia and caused increasing problems and contradictions. The 2015 document is based on the government's attempt to involve initiatives «from below» in the development. As a result, the document is more focused on the interests of the local population, including the educational needs of children from pastoralist families. In general, however, the document has a clearly declarative character. *Conclusions.* The tendency observed in the educational policy of Mongolia to borrow educational patterns for the development of human capital is a forced compromise with the countries of the core of the world-system. The bias towards international models in the field of educational policy is recognized by the Mongolian scientific and pedagogical community. The question is raised about the upbringing of a person with a Mongolian identity.

Keywords: educational policy, education in Mongolia, goals and content of education, borrowing of educational models, Mongolian writing systems

For citation: Namjidmaa Khishigdulam, Shagjav Ichinkhorloo, Izgarskaya A. A. Educational policy in modern Mongolia: key stages and trends. *Philosophy of Education*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 52–71. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20240304>

Введение. В отличие от европейской традиции, связывающей термин «политика» с греческим термином πόλις – полис, государство, этимология монгольского термина «бодлого», также обозначающего деятельность государственной власти, обнаруживает иное смысловое содержание. Монгольский термин происходит от слова «бод» – «думать» – и на уровне онтологии политического предполагает мудрость лиц власть предержащих. Способность думать, взвешенно и своевременно принимать нужные для развития и процветания общества решения является необходимым свойством современного политика. Выверенность политических решений всегда имела существенное значение для сохранения и развития общества Монголии. И сегодня, будучи блокированными границами двух территориально обширных держав, монгольское государство, как и его немногочисленное по сравнению с соседними странами население, успешно борется за благоприятную нишу в мировом разделении труда (см. подр.: [1; 2]). Немногочисленность населения ставит перед монгольским правительством проблему качественного развития и эффективного использования

человеческого капитала, что связано с решением задач по совершенствованию системы образования.

Для современной Монголии большое значение в сфере совершенствования системы образования, кроме Конституции (1992 г.)¹, имели три политических документа, определивших содержание трех этапов постсоветского развития ее человеческого капитала: «Концепция развития образования в Монгольской Народной Республике» (1991)²; «Постановление Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г.»³; «Постановление Национального собрания 2015 г. № 12 «Государственная политика в области образования» (2014–2024 гг.)»⁴. Опираясь на эти документы, опишем основные проблемы становления образовательной политики Монголии, сопоставим ее основные тенденции, нашедшие отражение в этих постановлениях. Представим имеющиеся в литературе критические оценки, прозвучавшие относительно результатов реализации этих программ. Актуальность анализа определяется тем, что в 2024 г. программа, утвержденная Постановлением Национального собрания 2015 г. № 12 «Государственная политика в области образования» (2014–2024 гг.), подходит к концу и перед монгольским обществом стоит задача оценки полученных результатов и постановки новых целей.

Методология. В качестве методологического основания использован миросистемный подход (И. Валлерстайн [3]). В зарубежной литературе миросистемная парадигма обнаруживается в сфере исследований проблем образования, начиная с 1980-х гг. Возможности миросистемного подхода одним из первых описал R. F. Arnove в статье «Comparative Education and World-Systems Analysis» [4]. На сегодняшний день эта парадигма широко представлена в области сравнительного образования, критической педагогики [5; 6], исследований академического [7] и образовательного нера-

¹ Монгол Улсын Үндсэн Хууль (1992) [Электронный ресурс] // Парламентийн засаглалтай Бүгд найрамдах улс (Конституция (Основной Закон) Монголии. (1992) // Мастерская конституционного дизайна). URL: <https://legalinfo.mn/api/front/cons-detail-1992.html> (дата обращения: 05.05.2024).

² Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсад боловсролыг хөгжүүлэх үзэл баримтлал. 1991 // Засгийн газрын архив. Хөмрөг 2. Товьёг данс 39. Хадгаламжийн нэгж 96. Х. 45–62. (Концепция развития образования в Монгольской Народной Республике. Утверждена 1991 г. // Правительственный архив. Фонд 2. Опись 39. Документ 96. Л. 45–62).

³ Монгол Улсын Их Хурлын 1995 оны 36 дугаар тогтоолын хавсралт (Приложение к Постановлению Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=203150&showType=1> (дата обращения: 05.05.2024).

⁴ Улсын Их Хурлын 2015 оны 12 дугаар тогтоо «Боловсролын салбарт төрөөс баримтлах бодлого» (2014–2024) (Постановление Национального собрания 2015 г. № 12 «Государственная политика в области образования» (2014–2024 гг.)). [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=206661> (дата обращения: 03.05.2024).

венства [8]. Представители миросистемного подхода не обошли вниманием и проблемы образования в Монголии. Наиболее значимыми в этом плане являются работы G. Steinert-Khamsi и I. Stolpe [9–12], Г. Штайнер-Хамси (G. Steinert-Khamsi) [13].

С позиции миросистемного анализа образование является основным механизмом воспроизведения не только каждого общества, но и рабочей силы для глобальной системы производства и распределения капитала. В связи с этим образование включенного в мировую систему разделения труда общества детерминировано теми экономическими нишами, которые это общество смогло занять посредством конкуренции в глобальной системе. Успех общества или утрата им позиций в благоприятной для развития нише с течением времени находит отражение в системе его воспроизведения, включая систему образования, определяя ее прогресс или деградацию. Встраивающееся в миросистему общество заимствует декларируемые государством-гегемоном стандарты производства и управления, образцы потребления, а также идеологию, обосновывающую свободу движения товаров. Система образования, формируя у подрастающих поколений отношение к этим стандартам, образцам и идеям как к норме, служит их внедрению и распространению в обществе.

Монголия после распада советского блока активно встраивается в мировую систему разделения труда и формирует систему образования в соответствии с международными стандартами, что порождает сложные противоречия между внедряемыми новациями и стремлением вернуть свою исконную монгольскую культуру, а также сформированными в советский период традициями. Обращает на себя внимание то, что онтология классического варианта миросистемного подхода (И. Валлерстайн) построена с акцентом на экономические детерминанты в развитии общества и их образовательных систем. Культурные связи, формирующие ментальные ориентиры, если не игнорируются, то уходят на второй план. Смещение акцента с экономических связей в область ментальных представлений населения и процессов формирования идентичности присутствует в работах G. Steinert-Khamsi и I. Stolpe. Такой перенос становится возможным из-за некоторого изменения онтологии миросистемы, которую они понимают как «клuster стран, жители которых видят себя членами одного и того же транснационального пространства» [10, р. 24]. Такое смещение кажется допустимым и полезным, поскольку появляется возможность видеть в системе образования Монголии отражение противоречий между формировавшимися капиталистическими основаниями и сложившимся в советский период габитусом (в терминах П. Бурдье [14, с. 102]), который содержал в себе идеи социальной справедливости, интернационализма, а также был ориентирован на взаимодействие с Советской Россией и другими республиками

СССР. Иными словами, мы получаем возможность видеть процесс адаптации общественного сознания к новым для страны реалиям.

Образовательная политика Монголии в качестве предмета исследования присутствует в работах многих монгольских (см., напр., Н. Бэгз⁵, Ч. Байгалмаа⁶, Ш. Ичинхорлоо⁷, Б. Насанбаяр⁸, Э. Чулуунцэцэг⁹, Ч. Улаан [15]) и российских ученых (см., напр.: Д. В. Ушаков [16–18], А. А. Изгарская [19]). Исследователи образовательной политики опираются на различные методы, однако используемый ими эмпирический материал и их выводы важны для обобщения и получения общей картины динамики реформ в монгольском образовании.

Обсуждение. Современная политика как набор идей и целей политической элиты общества, как правило, предполагает системное планирование и долгосрочное, поэтапное решение взаимосвязанных задач. Для успешной реализации планов правительство должно иметь соответствующий экономический потенциал, единство элит в восприятии общей цели и поддержку общества. В результате распада советского блока у Монголии, вто-

⁵ Бэгз Н. Боловсролын хөгжлийн онол арга зүйн асуудлууд. Улаанбаатар. Соёмбо принтинг ХХ Компани. 2008. 372 х. (Бэгз Н. Теоретические и методологические проблемы развития образования. Улан-Батор. Компания Soyombo Printing ХХ. 2008. 372 с.) [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.parliament.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=7514%20thumbnail-shelfbrowser> (дата обращения: 01.05.2024); Бэгз Н. Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): туршлага, сургамж. Улаанбаатар: Боловсролын шинжлэх ухааны академи, 2019. 356 х. (Бэгз Н. Развитие образования в Монголии (1992–2017 гг.): опыт и уроки [Электронный ресурс]. Улан-Батор: Академия педагогических наук, 2019. 356 с.). URL: <https://sudalgaa.gov.mn/mongolyn-bolovsrolyn-khgzhil-1992-2017-turshлага-surgamzh-ol4> (дата обращения: 23.04.2024).

⁶ Байгалмаа Ч. Боловсролын бодлого. Оргил чанар ХХК. Улаанбаатар. 2021 112 х. (Байгалмаа Ч. Политика образования. ООО Пик Качества. Улан-Батор, 2021. 112 с.).

⁷ Ичинхорлоо Ш. Боловсролын бодлогын талаар хийсэн судалгааны зарим санаа // Лавай. 2016. № 17. Х. 68–73 (Ичинхорлоо Ш. Некоторые исследовательские идеи по образовательной политике [Электронный ресурс] // Лавай. 2016. № 17. С. 68–73). URL: <https://lavai.msu.edu.mn/downloadfile.php?file=cHBhcGVycus8xNy1MQVYtMDExLnBkZg> (дата обращения: 02.03.2024); Ичинхорлоо Ш. Боловсролын социологи [Электронный ресурс]. Улаанбаатар: Алмаз пресс, 2021. 222 х. URL: <http://catalog.ikhzasag.edu.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=33891> (дата обращения: 05.05.2024).

⁸ Насанбаяр Б. Боловсролын шинэчлэл-шийдэл. Улаабаатар: Очирпресс ХХК, 2018. 298 х. (Насанбаяр Б. Реформа образования – решения [Электронный ресурс]. Улаабаатар: ООО «Очирпресс», 2018. 298 с.). URL: http://catalog.msu.edu.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=55327&shelfbrowse_itemnumber=241003#holdings (дата обращения: 03.04.2024).

⁹ Чулуунцэцэг Э. Монгол улсын бүрэн дунд боловсролын зорилго, уламжлал, шинэчлэл: эрх зүйн баримт бичгийн шинжилгээ // Lavai. 2019. Vol. 15. № 22. Х. 95–100. (Чулуунцэцэг Э. Цели, традиции и реформы общего среднего образования в Монголии: анализ правовых документов [Электронный ресурс] // Лавай. 2019. Т. 15, № 22. С. 95–100). URL: <http://catalog.ikhzasag.edu.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=33891> (дата обращения: 05.05.2024).

рого в мире государства, вставшего на социалистический путь развития и всегда бывшего надежным союзником СССР, таких условий не было.

На протяжении нескольких десятилетий Советский Союз был основным инвестором Монголии, создавая с ней, по сути, единый хозяйственный комплекс производств и соответствующую ему систему образования¹⁰. Еще «в 1990 г. свыше 90 % всей монгольской внешней торговли приходились на страны – члены СЭВ... Связи со странами, не входившими в социалистический блок, оставались крайне незначительными» [21, с. 125]. Однако уже в 1991 г. зажатая с двух сторон, не имеющая выход в море страна оказалась в ситуации стремительной гибели своего северного соседа и главного партнера. Экономические связи Монголии с бывшими странами социализма распадались, социальные институты рушились, исчезали структуры, обеспечивающие военную безопасность государства и общества, была дискредитирована советская идеология, а вместе с ней и содержание образования, отсутствовало единство восприятия проблем, целей и способов их достижения. Начало 1990-х гг. стало периодом испытаний для Монголии, как для ее правительства, так и для всего народа.

Обращение монгольского правительства к развитым странам Запада не было уникальным явлением, в этом отношении следует вспомнить, что на данном этапе и Россия, и другие страны бывшего Советского Союза и советского блока возлагали надежды на связи со странами ядра, пре-небрегая горизонтальными связями в миросистеме. Для монгольского правительства ситуация усугублялась тем, что ее южный сосед, Китай, стремительно набирал темпы развития посредством вертикальных миросистемных связей, сформированных в результате введения в 1978 г. политики «открытых дверей». Однако с учетом судьбы народов Внутренней Монголии его территориальная близость могла обернуться не столько решением возникшей проблемы, сколько опасностью потери государственного суверенитета и независимости. Ориентация на отношения со странами ядра и их ближайших успешных в экономическом плане союзников и партнеров позже получила название политики «третьего соседа»¹¹. Принятый правительством курс на демократизацию монгольской политической системы также способствовал взаимодействию с развитыми странами и получению от них финансовых дотаций, кредитов и инвестиций. Встраивая свою экономику в мировую систему разделения труда посредством сотрудничества, через взаимодействие с различными государствами, фондами, неправительственными организациями, частными крупными инвесторами

¹⁰ О взаимосвязи экономик СССР и Монголии см., напр.: [20].

¹¹ По замечанию В. А. Родионова и И. Г. Ающева, не все государства, с которыми сотрудничает Монголия, относятся к группе стран «третьего соседа», как правило, к этой группе относят США, Японию, Республику Корею, страны-члены ЕС, Канаду, Австралию, Турцию, Индию [21, с. 125].

монгольское правительство в условиях жесткой конкурентной борьбы на финансовых рынках смогло перевести отрасли народного хозяйства на капиталистические рельсы, что потребовало и коренных изменений в системе образования.

Переход к рыночной экономике поставил перед системой образования, соответствующие этим изменениям задачи в подготовке необходимых для экономики и системы управления кадров. Советскую систему образования и воспитания подрастающих поколений необходимо было адаптировать к новым условиям. Утвержденная в 1991 г. «Концепция развития образования Монгольской Народной Республики» положила начало этому процессу, она устанавливала необходимость изменения цели, содержания, принципов и структуры организации образования на всех его уровнях. Обновление образования должно было протекать под контролем государства на основе ряда принципов. Образование объявлялось «предметом особой заботы государства». Оно должно быть недискриминирующим, «гуманным, демократическим и непрерывным, основанным на национальной и общечеловеческой культуре и науке»¹². Документ гарантировал получение бесплатного начального, базового и среднего образования в государственных школах, а также закладывал основания для появления школ на основе других форм собственности. «Концепция развития образования» поощряла частные школы, платное обучение и «Дальнейшее расширение банковского кредитования учащихся за счет частного сектора, промышленности и учреждений»¹³. Образование в соответствии с «Концепцией» должно быть ориентировано на потребности индивида и социума, выявлять и развивать таланты детей и молодежи, формировать их личности.

При этом и принципы, и содержание образования не противоречили и даже во многом были созвучны бывшим советским установкам. Это обстоятельство можно объяснить не только прочностью в общественном сознании взглядов ушедшей советской эпохи, но и тем, что социалистическая и либеральная политические доктрины являются двумя составляющими (третья – консерватизм) геокультуры миросистемы и ориентированы на прогресс, науку, развитие личности. Так, образовательному процессу вменялось «творчески отражать новые достижения науки, техники, природы, экономики и экологии», «учитывать возрастные и психические

¹² Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсад боловсролыг хөгжүүлэх үзэл баримтлал. 1991 // Засгийн газрын архив, Хөмрөг 2, Товьёг данс 39, хадгаламжийн нэгж 96. Х. 45 (Концепция развития образования в Монгольской народной республике. Утверждена 1991 г. // Правительственный архив. Фонд 2. Опись 39. Документ 96. Л. 45).

¹³ Там же. Л. 52.

особенности обучающихся»¹⁴. Однако внимательное прочтение «Концепции» позволяет увидеть, что международный контекст в ней не является базовым. Лейтмотивом этого документа является возврат образования к национальной культуре. «Концепция развития образования» запрещала политизацию и идеологизацию образования¹⁵, но идея возрождения традиционной культуры и монгольской идентичности ставила общие цели и должна была способствовать агрегированию населения на решение задач развития общества на основе традиционной монгольской культуры.

Акцент на национальную культуру и традиции в образовании был характерен и для советской системы. Так, Н. Бэгз отметил такую близость идей начального периода реформ поздним советским установкам, указав на содержание утвержденного в 1990 г. Советом министров Монголии документа «Направления изменения структуры и содержания образования в средней школе». Согласно этому документу «мероприятия средней школы знакомят детей и молодых людей с наследием национальной культуры и обычаев, обучают их накопленным человечеством научным знаниям, воспитывают чувства гуманного сострадания и творчества, развиваются их таланты»¹⁶. «Концепция развития образования» провозглашает опору на национальную культуру: «Дети и молодежь будут воспитываться на наследии национальной культуры и обычаев»¹⁷. Стремление опереться на национальную культуру и формировать у подрастающих поколений монгольскую идентичность присутствует в целях и содержании образования. Перед научным и педагогическим сообществом ставилась задача: «разрабатывать контент, основанный на национальной культуре, обычаях и интеллектуальном наследии»¹⁸. Особое внимание в этом плане уделялось начальной школе. Национальный контент вводился в содержание уроков литературы. «Концепция развития образования» предписывала «боль-

¹⁴ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсад боловсролыг хөгжүүлэх үзэл баримтлал. 1991 // Засгийн газрын архив, Хөмрөг 2, Товьёг данс 39, хадгаламжийн нэгж 96. Х. 54. (Концепция развития образования в Монгольской народной республике. Утверждена 1991 г. // Правительственный архив. Фонд 2. Опись 39. Документ 96. Л. 54).

¹⁵ Там же. Л. 54.

¹⁶ Цит. по: Бэгз Н. Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): туршлага, сургамж. Улаанбаатар: Боловсролын шинжлэх ухааны академи, 2019. 356 х. Х. 40 (Бэгз Н. Развитие образования в Монголии (1992–2017 гг.): опыт и уроки [Электронный ресурс]. Улан-Батор: Академия педагогических наук, 2019. 356 с.). URL: <https://sudalgaa.gov.mn/mongolyn-bolovsrolyn-khgzhil-1992-2017-turshлага-surgamzh-ol4> (дата обращения: 23.04.2024).

¹⁷ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсад боловсролыг хөгжүүлэх үзэл баримтлал. 1991 // Засгийн газрын архив, Хөмрөг 2, Товьёг данс 39, хадгаламжийн нэгж 96, х. 54. (Концепция развития образования в Монгольской народной республике. Утверждена 1991 г. // Правительственный архив. Фонд 2. Опись 39. Документ 96. Л. 54). Л. 45.

¹⁸ Там же. Л. 54.

ше внимания уделять фольклору и монгольской литературе»¹⁹. Народная музыка и народное творчество занимали центральное место в предметах, призванных развивать эстетическое восприятие²⁰. Содержание трудового обучения предполагалось обновить «с учетом монгольских народных ремесел, новых технологий»²¹. «Монгольские национальные подвижные игры и спортивные состязания» возглавляют список требований, разработанных для уроков физической культуры²².

Стремление осуществить коренной поворот к традиционной культуре отмечено наиболее отчетливо в новом предмете, получившем название «Основы нравственности» («Ариун ёс журам»)²³ и вводимом в программу всех ступеней образовательного процесса. Введение этого предмета обусловлено в большей мере тем, что в условиях роста темпов урбанизации, переезжа из бескрайних монгольских степей и традиционных юрт в благоустроенные городские квартиры, дети теряли связь с кочевым бытом и культурой своих предков. В соответствии с «Концепцией развития образования» этот предмет выражал «основную идею изменений в содержании каждого урока» и был призван решить задачу «адаптации образования к монгольскому контексту»²⁴. В «Концепции» отмечено: «Содержание этого урока направлено на то, чтобы с раннего возраста воспитывать в детях гуманизм, милосердие и нравственность, привить им искреннюю любовь к природе, стране и людям, научить их правильно жить, приобщить к традициям и обычаям национальной культуры»²⁵.

Однако важнейшим нововведением, которое должно было закрепить монгольскую идентичность, была инициатива постепенного отказа от кириллицы и возврата к уйгурской старомонгольской письменности. Предполагалось, что уже «к 1995 году все занятия в I–IV классах будут преподаваться с использованием монгольской письменности, а обучающиеся

¹⁹ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсад боловсролыг хөгжүүлэх үзэл баримтлал. 1991 // Заэгийн газрын архив, Хөмрөг 2, Товьёг данс 39, хадгаламжийн нэгж 96, х. 54. (Концепция развития образования в Монгольской народной республике. Утверждена 1991 г. // Правительственный архив. Фонд 2. Опись 39. Документ 96. Л. 54). Л. 56.

²⁰ Там же. Л. 60–61.

²¹ Там же. Л. 61.

²² Там же. Л. 62.

²³ В 1991–1992 учебном году предмет под таким названием был введен в учебную программу, но с 1996 г. его преподавание было прекращено. В средней общеобразовательной школе № 93 он преподавался с 2008–2011 гг. под названием «Вера и вдохновение» («Итгэл урам»). В частных школах, таких как «Монгол алдар» и «Шинэ монгол», этот предмет продолжают преподавать под другими названиями. В частном педагогическом университете «Три науки» («Гурван Эрдэм») он преподается до сих пор для всех студентов первого курса под названием «Быть человеком» («Хүн байх учир»).

²⁴ Там же. Л. 55.

²⁵ Там же.

V–VII классов, изучающие кириллицу, будут изучать монгольскую письменность по ускоренной программе²⁶. Переход предполагал постепенность, поэтому устанавливалось и то, что «все обучающиеся IV–VI классов должны освоить кириллицу, читать и писать на ней»²⁷. В VIII–X классах вводился предмет «Практическая стилистика», содержание этого курса включало изучение монгольского языкового наследия, при этом школьники должны были получить «знания и навыки в области традиционной стилистики и народной языковой культуры, а также научатся уважать свой родной язык и наследие своего народа»²⁸.

В Приложении к Постановлению Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г. возобладала ориентация на международные стандарты. Эта тенденция отчетливо просматривается в результатах контент-анализа. В «Концепции развития образования» термин «народ» употребляется десять раз (народные обычаи, народные собрания, народная языковая культура, народные ремесла и т. д.); термин «зарубежные» используется трижды (когда речь идет о подготовке «небольшого числа квалифицированных кадров в зарубежных странах»²⁹; об учителях «всех уровней школ, направляемых в зарубежные страны для повышения квалификации и переподготовки»³⁰; о содержании школьных занятий по зарубежной литературе, которые «познакомят с образцами всемирноизвестных классических произведений»³¹); понятие «международный» (и его производные) не используется. В Постановлении Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г., призванного трансформировать область образования в соответствие с требованиями рыночной экономики, термин «народ» употребляется только дважды³²: во-первых, в самом начале документа отмечено, что «непрерывное развитие и интеллектуальный потенциал монгольского народа» является «источником существования и развития Монголии»; во-вторых, в разделе, посвященном учителям, говорится о том, что «учитель является просветителем народа». Термин «международный» используется восемь раз.

²⁶ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсад боловсролыг хөгжүүлэх үзэл баримтлал. 1991 // Засгийн газрын архив, Хөмрөг 2, Товьёг данс 39, хадгаламжийн нэгж 96, Х. 56 (Концепция развития образования в Монгольской Народной Республике. Утверждена 1991 г. // Правительственный архив. Фонд 2. Опись 39. Документ 96. Л. 56).

²⁷ Там же. Л. 56.

²⁸ Там же. Л. 56.

²⁹ Там же. Л. 50.

³⁰ Там же. Л. 53.

³¹ Там же. Л. 57.

³² Монгол Улсын Их Хурлын 1995 оны 36 дугаар тогтоолын хавсралт (Приложение к Постановлению Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=203150&showType=1> (дата обращения: 05.05.2024).

Такой контраст можно объяснить тем, что в самом начале 1990-х гг. правительство выражало готовность качественных изменений в области образования на основе национальной культуры, однако не имело для этого средств. Идея возрождения национального образования оказалась не реализуемой без необходимой финансовой поддержки. Рушились даже те институты и структуры, которые были народным достоянием советского периода. В 1990-е годы у государства не хватало ресурсов, чтобы просто выплачивать учителям заработную плату. Педагоги массово уходили из системы образования. По свидетельству Н. Бэгз, с 1990 по 1992 г. свою профессиональную деятельность оставили 1 267 учителя. Разрушилась система подготовки, распределения и переподготовки педагогических кадров. Более четверти выпускников с педагогическими дипломами не поступили по месту распределения. В 1991 г. был расформирован созданный в 1983 г. Институт повышения квалификации педагогов детских садов. Система повышения квалификации учителей до 2010 года существовала в виде краткосрочных специализированных курсов. Только «с 2010–2011 учебного года Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий возобновило пятилетнее повышение квалификации учителей на национальном уровне, расходы на которые выделяются из государственного бюджета»³³. Резко снизился престиж образования. В советский период образование, включая высшее, было бесплатным, студенты получали поддержку в виде стипендий. Начиная с 1993 г., высшее образование в Монголии стало платным, в результате, как отметила Б. Насанбаяр, родители предпочитают делать своих детей собственниками только что приватизированного скота, а не отправлять их учиться³⁴.

Монгольское правительство нашло инвесторов за рубежом, но у последних были свои представления о характере изменений в системе монгольского образования. В Постановлении Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г. не ведется речь о каких-либо заимствованиях, в нем используются такие термины, как «координация», «взаимодействие», «соответствие», «реализация совместных программ», «взаимный обмен информацией». Но в четвертом разделе «Относительно управления и организации образования» четко указано, что совершенствование системы управления будет

³³ Бэгз Н. Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): туршлага, сургамж. Улаанбаатар: Боловсролын шинжлэх ухааны академи, 2019. Х. 31–35 (Бэгз Н. Развитие образования в Монголии (1992–2017 гг.): опыт и уроки. Улан-Батор: Академия педагогических наук, 2019. С. 31–35) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudalgaa.gov.mn/mongolyn-bolovsrolyn-khgzhil-1992-2017-turshлага-surgamzh-ol4> (дата обращения: 23.04.2024).

³⁴ Насанбаяр Б. Боловсролын шинэчлэл- шийдэл. Улаабаатар: Очирпресс ХХК, 2018. Х. 90 (Насанбаяр Б. Реформа образования – решения. Улаабаатар: ООО «Очирпресс», 2018. С. 90) [Электронный ресурс]. URL: http://catalog.msu.edu.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblio_number=55327&shelfbrowse_itemnumber=241003#holdings (дата обращения: 03.04.2024).

осуществляться в соответствии «с уникальными особенностями страны-должника» и «общими международными стандартами образования»³⁵. Помимо этого, если в «Концепции развития образования» 1991 г., международный контекст лишь упоминается в качестве общечеловеческой культуры, достижений науки, образования за рубежом, то в этом документе ему посвящен, седьмой, заключительный раздел «О развитии внешних связей образования». Среди направлений взаимодействий с зарубежными партнерами здесь в третьем пункте отмечено: «использование кредитов и средств помощи международных организаций и стран-доноров для укрепления материальной базы подготовки, обучения профессиональных кадров и научных исследований»³⁶. Документ закреплял существование образовательных учреждений с частной формой собственности, смешанных школ (на основе частного капитала и бюджетного финансирования), школ с иностранными инвестициями, совместные школы (с участием разных источников финансирования). Влияние международной системы здесь проявилось и в том, что права и особенности детей с ограниченными возможностями здоровья указаны, а особенности обучения детей кочевников-скотоводов, чьи семьи составляют почти 30 % населения, проигнорированы. Однако, несмотря на доминирование в документе идей международных стандартов, полного выхолащивания идеи восстановления национальной культуры не произошло. В 10 пункте 3 раздела в сравнении с «Концепцией развития образования» (1991) весьма умеренно, уже без идеи быстрого перехода, но все же обозначено место уйгуро-монгольской письменности, которая «должна преподаваться широкой публике как часть содержания базового образования»³⁷.

Несомненно то, что в критической ситуации зарубежные связи и получаемые инвестиции сыграли позитивную роль, они помогли предотвратить коллапс системы и способствовали встраиванию монгольского общества в мировую систему разделения труда. Однако нельзя отрицать и то, что реформа образования первых десятилетий в Монголии шла по образцу стран с высоким уровнем доходов и оседлым населением. В результате в стране, где более четверти населения скотоводы-кочевники, а доля населения, живущего в бедности, примерно 36 %, «импортирован-

³⁵ Монгол Улсын Их Хурлын 1995 оны³⁶ дугаар тогтоолын хавсралт (Приложение к Постановлению Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=203150&showType=1> (дата обращения: 05.05.2024).

³⁶ Монгол Улсын Их Хурлын 1995 оны³⁶ дугаар тогтоолын хавсралт. (Приложение к Постановлению Великого Хурала Монголии № 36 от 1995 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=203150&showType=1> (дата обращения: 05.05.2024).

³⁷ Там же.

ная политика не сработала» [9, р. 42]. Проблемы возникали даже там, где реформы не навязывались монгольскому правительству извне, как, например, вводимая в систему образования в 1990-е гг. децентрализация управления и финансов, а были результатом добровольного заимствования, как в случае с ваучерной системой повышения квалификации учителей (см., подр.: [11]). Проблемы реализации задач образовательной политики усугублялись также тем, что инициативы, спускаемые «сверху», не соответствовали реалиям жизни людей. Часто педагоги на местах не могли понять чуждое им содержание образовательной политики и смысл реформ, в результате заимствованные для адаптации образцы или иска- жались, или игнорировались. G. Steinert-Khamsi и I. Stolpe в 2006 г. оценили результаты реформ следующим образом: «Монголия может служить убедительным доказательством ошибочности международной модели реформ в образовании» [10, р. 4]. Подобную оценку реформ можно найти и у современных монгольских авторов. В 2019 г. Э. Чулуунцэцэг в этом отношении отмечал: «Мы считаем, что для нашей страны, представляющей собой сочетание кочевых и оседлых цивилизаций, попытки реализовать модель образования стран с давней традицией оседлых цивилизаций не оказались эффективными»³⁸.

Попытку переломить ситуацию, привлечь инициативу «снизу» предприняла в 2012 г. начальник управления стратегического планирования Министерства образования, культуры и науки Монголии Б. Насанбаяр. Вместе с командой единомышленников она проводила встречи с монгольскими учителями. Педагоги могли обсудить проблемные вопросы и высказать свои пожелания представителям центральной государственной власти. Такие встречи прошли в 21 аймаке и 9 районах Монголии. Результаты бесед с педагогическими коллективами изучались, сопоставлялись с международной практикой, включались в проект будущей реформы³⁹. В итоговом варианте они нашли воплощение в Постановлении Национального собрания 2015 г. № 12 «Государственная политика в области образования»

³⁸ Чулуунцэцэг Э. Монгол улсын бүрэн дунд боловсролын зорилго, уламжлал, шинэчлэл: эрх зүйн баримт бичгийн шинжилгээ // Lavai. 2019. Vol. 15. № 22. X. 95–100. X. 98 (Чулуунцэцэг Э. Цели, традиции и реформы общего среднего образования в Монголии: анализ правовых документов [Электронный ресурс] // Лавай. 2019. Т. 15, № 22. С. 98). URL: <http://catalog.ikhzasag.edu.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=33891> (дата обращения: 05.05.2024).

³⁹ Насанбаяр Б. Боловсролын шинэчлэл- шийдэл. Улаабаатар: Очирпресс ХХК, 2018. X. 91 (Насанбаяр Б. Реформа образования – решения [Электронный ресурс]. Улаабаатар: ООО «Очирпресс», 2018. С. 91). URL: http://catalog.msue.edu.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=55327&shelfbrowse_itemnumber=241003#holdings (дата обращения: 03.04.2024).

(2014–2024 гг.)⁴⁰. В сравнении с документом от 1995 г. это Постановление в большей мере ориентировано на интересы местного населения. Так, один из основополагающих принципов образования постулирует необходимость соответствия образования потребностям детей из семей скотоводов. Однако в целом документ имеет ярко выраженный декларативный характер. Помимо этого, в документе были «упущены некоторые хорошие аспекты предыдущей политики»⁴¹. Вторая международным образцам, его авторы деятельность в области образования представляют как обычную услугу гражданам, но забывают об академических правах и свободах, а «национальная история, культура, наследие и обычаи – по меткому замечанию Н. Бэгэ – упоминаются только изуважения»⁴². В тексте документа 2015 г. тема сохранения национальной идентичности представлена лаконично в шестом пункте четвертого раздела «Содержание образования, стандарты, технология обучения и оценка качества»: «Монгольская история, языки, культура, национальное наследие, обычаи, патриотизм, личностное развитие и развитие, а также общие ценности человечества будут реализованы в учебной программе, содержании и методологии всех уровней»⁴³.

В 2015 г. была изменена формулировка относительно уйгуро-монгольской письменности. Теперь в ней идет речь о перспективе расширения использования традиционного монгольского письма: «Все уровни обучения будут проводиться на официальном языке и письменности государства, а обучение и использование традиционной монгольской письменности будут постепенно расширяться»⁴⁴. В науке существует мнение, что применение монгольской письменности с первого класса в начальной школе (1992–1994) было ошибочным решением. Например, Н. Бариушанов аргументирует такую точку зрения тем, что переход к старомонгольской письменности, которая «не применялась уже больше 50 лет», был принят «под влиянием международных организаций». Н. Бариушанов указывает,

⁴⁰ Улсын Их Хурлын 2015 оны 12 дугаар тогтоол «Боловсролын салбарт төрөөс баримтлах бодлого» (2014–2024). (Постановление Национального собрания 2015 г. № 12 «Государственная политика в области образования» (2014–2024 гг.)). [Электронный ресурс]. URI: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=206661> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴¹ Бэгэ Н. Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): туршлага, сургамж. Улаанбаатар: Боловсролын шинжлэх ухааны академи, 2019. Х. 26. [Бэгэ Н. Развитие образования в Монголии (1992–2017 гг.): опыт и уроки [Электронный ресурс]. Улан-Батор: Академия педагогических наук, 2019. С. 31–35]. URL: <https://sudalgaa.gov.mn/mongolyn-bolovsrolyn-khgzhil-1992-2017-turshлага-surgamzh-ol4> (дата обращения: 23.04.2024).

⁴² Там же.

⁴³ Улсын Их Хурлын 2015 оны 12 дугаар тогтоол «Боловсролын салбарт төрөөс баримтлах бодлого» (2014–2024). (Постановление Национального собрания 2015 г. № 12 «Государственная политика в области образования» (2014–2024 гг.)). [Электронный ресурс]. URI: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=206661> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴⁴ Там же.

что «нововведение было отменено всего через два года в силу ряда причин: недостаточное финансирование государства на эту замену, нехватка учебников, неподготовленность учителей, протест родителей против нововведения» [22, с. 158]. Признавая справедливость указанных трудностей внедрения старомонгольской письменности, все же сложно согласиться с приведенными аргументами. Во-первых, тезис о внешнем влиянии кажется совершенно неуместным, поскольку из трех указанных документов именно «Концепция развития образования» (1991) вводит идею возврата к старомонгольской письменности и содержит в себе наиболее выраженный национальный контент. По мере усиления международного влияния на руководящие документы в сфере образования роль старомонгольской письменности как и национального контента в целом снижается. Во-вторых, идея перехода не отменена. В Монголии нет единого мнения в отношении возврата к старомонгольской письменности. Некоторые ориентированные на запад политики периодически высказывают инициативу перехода на «латиницу». Ряд филологов, признавая высокое символическое значение традиционной письменности для государства и монгольского общества, убеждены в необходимости сохранения кириллицы. Но, несмотря на наличие разногласий, перевод государственных институтов на традиционную монгольскую письменность предполагается в 2025 г.⁴⁵. Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день перекос в сторону международных образцов в области образовательной политики осознается монгольским научным и педагогическим сообществом, ставится вопрос о воспитании человека, имеющего монгольскую идентичность. Появляется устойчивое мнение, что «необходимо определить цели образования в Монголии, в том числе среднего, на основе собственной культуры, традиций, ценностей и современных теоретических подходов»⁴⁶.

Заключение. Область образования в Монголии отражает ситуацию компромисса, на который было вынуждено пойти правительство и общество в условиях кризиса системы социализма и потери СССР в качестве ос-

⁴⁵ Засгийн газрын 2020 оны 96 дугаар тогтоолын хавсралт. Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр III. 2020 оны 3 дугаар сарын 18-ны өдөр. Улаанбаатар хот. (Приложение к постановлению Правительства № 96 от 2020 года. Национальная программа по монгольской письменности III. 18 марта 2020 года. Улан-Батор; Annex to Government Resolution № 96 of 2020. National Program on Mongolian Script III. March 18, 2020 [Электронный ресурс]. Ulaanbaatar. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=210927&showType=1> (дата обращения: 05.05.2024)).

⁴⁶ Чулунцэцэг Э. Монгол улсын бүрэн дунд боловсролын зорилго, уламжлал, шинэчлэл: эрх зүйн баримт бичгийн шинжилгээ // Lavaï. 2019. Vol. 15, no. 22. X. 90 (Чулунцэцэг Э. Цели, традиции и реформы общего среднего образования в Монголии: анализ правовых документов // Лавай. 2019. Т. 15, № 22. С. 90); Ичинхорлоо Ш. Боловсролын соцологии. Улаанбаатар: Алмаз пресс, 2021. X. 73 [Электронный ресурс]. URL: <http://catalog.ikhzasag.edu.mn/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=33891> (дата обращения: 05.05.2024).

новного инвестора. Анализ трех документов, заложивших основные трансформации в образование, показывает, что первоначально национальное строительство демократической Монголии виделось реформаторам в русле неотрадиционализма, процесса слияния накопленных веками культурой народных традиций с инновациями. Однако тяжелая экономическая ситуация, которая могла быть исправлена только за счет притока внешних инвестиций, и опасность встроиться в мировую систему разделения труда на уровне внешней китайской периферии требовали срочной диверсификации внешних связей. В таких условиях политика «третьего соседа» видится лучшим из возможных вариантов решения экономических проблем, а тенденция заимствования образовательных образцов для развития человеческого капитала – вынужденным и, хочется надеяться, временным компромиссом со странами ядра миросистемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безруков Л. А., Фартишев А. Н. Внешняя торговля Монголии и проблема российско-монгольского взаимодействия на сырьевых рынках // Россия и Монголия: результаты и перспективы научного сотрудничества: труды международной научной конференции. Иркутск: Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, 2022. С. 14–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=hzbruu>; EDN: HZBRUU
2. Безруков Л. А., Фартишев А. Н. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 3. С. 101–109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48140778>; EDN: JMBNVH; DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-101-109
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и будущее социологии // Социология. 2016. № 3. С. 9–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28359566>; EDN: VMNWEV
4. Arnove R. F. Comparative Education and World-Systems Analysis // Comparative Education Review. 1980. Vol. 24, № 1. P. 48–62. DOI: <http://dx.doi.org/10.1086/446090>
5. Griffiths T. G., Arnove R. F. World culture in the capitalist world-system in transition // Globalisation, Societies and Education. 2014. Vol. 13, № 1. P. 88–108. DOI: 10.1080/14767724.2014.967488
6. Griffiths T. G., Knezevic L. Wallerstein's world-systems analysis in comparative education: A case study // Prospects. 2010. Vol. 40. P. 447–463. DOI: 10.1007/s11125-010-9168-0
7. Demeter M. The world-systemic dynamics of knowledge production: the distribution of transnational academic capital in the social sciences T // Journal of World-System Research. 2019. Vol. 25, № 1. P. 111–144. DOI: 10.5195/JWSR.2019.887
8. Изгарская А. А. Гордейчик Е. А. Замкнутый круг неравенства в образовании: к проблеме социокультурных трансформаций периферизируемых обществ // Философия образования. 2021. Т. 21, № 3. С. 103–119. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46643941>; EDN: EQZQTQ; DOI: 10.15372/PHE20210307
9. Steinert-Khamsi G., Stolpe I. Decentralization and recentralization reform in Mongolia: tracing the swing of the pendulum // Comparative Education. 2004. Vol. 40, № 1. P. 29–53. DOI: 10.1080/0305006042000184872
10. Steinert-Khamsi G., Stolpe I. Educational import local encounters with global forces in Mongolia. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 246 p.

11. **Steiner-Khamisi G.** Vouchers for teacher education (non) reform in Mongolia: transitional, postsocialist, or antisocialist explanations? // Comparative Education. 2004. Vol. 49, № 2. P. 148–172. DOI: 10.2307/3542161
12. **Steiner-Khamisi G.** The global/local nexus in comparative policy studies: analyzing the triple bonus system in Mongolia over time // Comparative Education. 2012. Vol. 48, № 4. P. 445–471. DOI: 10.1080/03050068.2012.681120
13. **Штайнер-Хамси Г.** Учить, чтобы выжить: оплата труда по ставке и ее воздействие на качество преподавания // Вопросы образования. 2016. № 2. С. 14–39. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-2-14-39
14. **Бурдье П.** Практический смысл: монография. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19661830>; EDN: QOGTMN
15. **Улаан Ч.** Инвестирование образования (на примере Монголии) // Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования: материалы II Всерос. науч.-практ. конференции. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2019. С. 105–110. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40550626>; EDN: ALDAMG
16. **Ушаков Д. В.** Современные тенденции развития монгольской системы образования (часть 1) // Философия образования. 2018. № 4 (77). С. 81–93. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36828951>; EDN: YUTHOX; DOI: 10.15372/PHE20180408
17. **Ушаков Д. В.** Российско-монгольское образовательное сотрудничество: от моделей к реализации (часть II) // Философия образования. 2019. Т. 19, № 1. С. 111–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37279157>; EDN: AMZLSJ; DOI: 10.15372/PHE20190109
18. **Ушаков Д. В.** Импорт образования в сотрудничестве России и Монголии // Философия образования. 2019. Т. 19, № 4. С. 125–137. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41596050>; EDN: GACHBN; DOI: 10.15372/PHE20190409
19. **Изгарская А. А.** Образовательное неравенство в современной Монголии: к проблеме социокультурных трансформаций периферизируемых обществ // Философия образования. 2022. Т. 22, № 2. С. 82–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=hqdhan>; EDN: HQDHAN; DOI: 10.15372/PHE20220206
20. **Джагаева О. А.** От плана к рынку: экономическое развитие Монголии в 1990-х – начале 2000-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). 21–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41234545>; EDN: DODYBYQ
21. **Родионов В. А., Ающева И. Г.** «Третий сосед» Монголии как идеально-политический концепт // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 125–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30005605>; EDN: ZGPXXH; DOI: 17223/15617793/420/17
22. **Бариушанов Н.** Этапы реформирования начальной школы Монголии // Наука и школа. 2017. № 2. С. 156–162. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29072227>; EDN: YMEWNT

REFERENCES

1. Bezrukov L. A., Fartyshev A. N. Mongolia's foreign trade and the problem of Russian-Mongolian interaction in commodity markets. *Russia and Mongolia: results and prospects of scientific cooperation*: proceedings of the international scientific conference. Irkutsk: V. B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 14–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=hzbruu>; EDN: HZBRUU (In Russian)
2. Bezrukov L. A., Fartyshev A. N. Features of Mongolia's foreign trade: risks for Russia. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 3, pp. 101–109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48140778>; EDN: JMBNVH; DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-101-109 (In Russian)

3. Wallerstein I. Analysis of world systems and the future of sociology. *Sociology*, 2016, no. 3, pp. 9–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28359566>; EDN: VMNVEV (In Russian)
4. Arnove R. F. Comparative Education and World-Systems Analysis. *Comparative Education Review*, 1980, vol. 24, no. 1, pp. 48–62. DOI: <http://dx.doi.org/10.1086/446090>
5. Griffiths T.G., Arnove R.F. World culture in the capitalist world-system in transition. *Globalisation, Societies and Education*, 2014, vol. 13, no. 1, pp. 88–108. DOI: <10.1080/14767724.2014.967488>
6. Griffiths T. G., Knezevic L. Wallerstein's world-systems analysis in comparative education: A case study. *Prospects*, 2010, vol. 40, pp. 447–463. DOI: <10.1007/s11125-010-9168-0>
7. Demeter M. The world-systemic dynamics of knowledge production: the distribution of transnational academic capital in the social sciences T. *Journal of World-System Research*, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 111–144. DOI: <10.5195/JWSR.2019.887>
8. Izgarskaya A. A. Gordyechik E. A. The vicious circle of inequality in education: towards the problem of socio-cultural transformations of peripheral societies. *Philosophy of Education*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 103–119. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46643941>; EDN: EQZQTQ; DOI: <10.15372/PHE20210307> (In Russian)
9. Steinert-Khamisi G., Stolpe I. Decentralization and recentralization reform in Mongolia: tracing the swing of the pendulum. *Comparative Education*, 2004, vol. 40, no. 1, pp. 29–53. DOI: <10.1080/0305006042000184872>
10. Steinert-Khamisi G., Stolpe I. *Educational import local encounters with global forces in Mongolia*. New York: Palgrave Macmillan Publ., 2006, 246 p.
11. Steiner-Khamisi G. Vouchers for teacher education (non) reform in Mongolia: transitional, postsocialist, or antisocialist explanations? *Comparative Education*, 2004, vol. 49, no. 2, pp. 148–172. DOI: <10.2307/3542161>
12. Steiner-Khamisi G. The global/local nexus in comparative policy studies: analyzing the triple bonus system in Mongolia over time. *Comparative Education*, 2012, vol. 48, no. 4, pp. 445–471. DOI: <10.1080/03050068.2012.681120>
13. Steiner-Khamisi G. Teach to survive: wage rate and its impact on the quality of teaching. *Education Issues*, 2016, no. 2, pp. 14–39. DOI: <10.17323/1814-9545-2016-2-14-39> (In Russian)
14. Bourdieu P. *Practical meaning*: a monograph. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2001, 562 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19661830>; EDN: QOGTMH (In Russian)
15. Ulaan Ch. Investing in education (on the example of Mongolia). *Financial and legal aspects of socially oriented investment*: proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2019, pp. 105–110. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40550626> EDN: ALDAMG (In Russian)
16. Ushakov D. V. Modern trends in the development of the Mongolian education system (part 1). *Philosophy of Education*, 2018, no. 4 (77), pp. 81–93. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36828951>; EDN: YUTHOX; DOI: <10.15372/PHE20180408> (In Russian)
17. Ushakov D. V. Russian-Mongolian educational cooperation: from models to implementation (part II). *Philosophy of Education*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 111–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37279157>; EDN: AMZLSJ; DOI: <10.15372/PHE20190109> (In Russian)
18. Ushakov D. V. Import of education in cooperation between Russia and Mongolia. *Philosophy of Education*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 125–137. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41596050>; EDN: GACHBN; DOI: <10.15372/PHE20190409> (In Russian)
19. Izgarskaya A. A. Educational inequality in modern Mongolia: on the problem of socio-cultural transformations of peripheral societies. *Philosophy of Education*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 82–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=hqdhhan>; EDN: HQDHAN; DOI: <10.15372/PHE20220206> (In Russian)
20. Dzhagaeva O. A. From plan to market: economic development of Mongolia in the 1990s – early 2000s. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2019, no. 3 (60), pp. 21–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41234545>; EDN: DODBYQ (In Russian)

21. Rodionov V. A., Ayushcheva I. G. Mongolia's "Third neighbor" as an ideological and political concept. *Bulletin of Tomsk State University*, 2017, no. 420, pp. 125–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30005605>; EDN: ZGPXXH; DOI: 17223/15617793/420/17 (In Russian)
22. Bariushanov N. Stages of primary school reform in Mongolia. *Science and School*, 2017, no. 2, pp. 156–162. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29072227>; EDN: YMEWNT

Информация об авторах

Хишигдулам Нанжидмаа, старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков, Монгольский государственный университет образования (Монголия, Улаанбаатар, Сүхбаатар дүүрэг, 296).

Ичинхорлоо Шагжжав, кандидат педагогических наук, профессор кафедры эдукологии, Монгольский государственный университет образования (Монголия, Улаанбаатар, Баянзүрх дүүрэг, 23).

А. А. Изгарская, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)

Information about authors

Namjidmaa Khishigdulam, Lecturer of the Department of English and German Language, the Mongolian State University of Education (Mongolia, Ulaanbaatar, Sukhbaatar District, 296).

Shagjav Ichinkhorloo, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Education, the Mongolian State University of Education (Mongolia, Ulaanbaatar, Bayanzurkh District, 23).

Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 630090, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the article for publication.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Поступила: 22.05.2024

Received: May 22, 2024

Одобрена после рецензирования: 17.06.2024

Approved after review: June 17, 2024

Принята к публикации: 24.06.2024

Accepted for publication: June 24, 2024